

6. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994.
7. *Кутрин А.И.* Сочинения: В 2-х т. – Ф.: Кыргызстан, 1982.
8. *Лазариди М.И.* Лексикографическое описание номинативно-функционального поля психических состояний / Лазариди М.И. // Русский язык в Центральноазиатском регионе государств-участников СНГ: Международный форум. – Бишкек: КРСУ, 2007. – С.93–97.
9. *Лазариди М.И.* Психические состояния в полевом описании. – Бишкек, 2003.
10. Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь / Под ред В.В. Морковкина. – М., 1984.
11. *Мельников П.И.* Сочинения: В 8 т. – М.: Изд. «Правда», 1976.
12. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1988.
13. *Роже П.М.* Тезаурус английских слов и выражений. – М.: Наука, – 1963.
14. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: В 6 т. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Существительные с конкретным значением. Все создаваемое руками и умом человека (населенные места, обрабатываемые участки, дороги; организации, учреждения). Названия предметов по форме, состоянию, составу, местонахождению, употреблению. – М., 2000.
15. Словарь русского языка: В 6 т. – М.: Рус. яз., 1985-1988.
16. Словарь синонимов / Под ред. А.П.Александровой. – Л.: Наука, 1976.
17. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Под ред. З.П. Евгеньевой. – Л.: Наука, 1976.
18. *Толстой Л.Н.* Анна Каренина: Роман в 8 ч. – М.: Художественная литература, 1985.
19. *Тургенев И.С.* Рудин. – М.: Детская литература, 1978.
20. *Шанский Н.М., Шанская Т.И.* Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Наука, 1976.
21. Школьный краткий словообразовательный словарь / Под ред. А.Н.Тихонова. – М.: Русский язык, 1980.
22. *Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

Г.И. Исина,
д.ф.н., профессор (Казахстан)

О концептосфере эмоций в языковой картине мира

Любые концепты как ментальные образования могут существовать лишь в форме их совокупностей. Концептосфера эмоций представляет собой совокупность множества обычно вербализованных на лексическом или фразеологическом уровнях эмоциональных концептов, состоящих друг с другом в сложных структурно-смысловых и функциональных отношениях.

Эмоциональный концепт определяют как «этнически, культурно обусловленное, ментальное, вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя помимо понятия образ, культурную ценность и функционально

замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации предметы мира, вызывающие пристрастное отношение к ним человека» (1, с. 60). Эмоциональный концепт представляет собой, по сути, разновидность культурного концепта с дополнительными эмотивными, ценностными и оценочными характеристиками.

Этническая обусловленность эмоциональных концептов определяется такими социопсихо-культурологическими характеристиками конкретного сообщества людей, как традиции, обычаи, особенности быта, стереотипы мышления и поведения и т.п., исторически сложившиеся на всем протяжении развития и становления этноса.

Эмоциональная картина мира представляется как сложное структурно-смысловое образование, как фиксация оценочной деятельности человеческого сознания при лингвоментальном освоении окружающей действительности. Ее феноменологическое существование в значительной степени обусловлено языком: после проекции эмоциональной картины мира в языковое сознание она репрезентируется в виде совокупности в основном вербализованных концептов, понятий, выступающих как отражение внутреннего, психического мира и эмоционально «переработанных» представлений, восприятий, ощущений, в основе которых лежат перцептивные образы (2, с. 4).

Как заметил У. Джеймс, с одной стороны, люди способны к целому ряду разнообразных чувств, а с другой – эти различные чувства не могут быть ясным образом разграничены и их нельзя перечислить. Кроме того, на этот в значительной степени туманный мир чувств каждый язык накладывает свою собственную интерпретирующую сетку координат... (3, с. 485). Способ интерпретации людьми своих собственных эмоций зависит в определенной степени от лексической сетки координат, которую дает им их родной язык. Важно, через призму какого языка эти эмоции интерпретируются.

Особым эмоциональным воздействием обладают образные сравнения, в которых объект и характер оценки, выраженные имплицитно, реализуются в высказывании, благодаря точно подмеченному сходству между реальными чертами объекта.

Любая фразеологическая единица обладает усложненной информативностью, дополнительной аксиологией, что предопределяет выражение ее содержания через образ. Фразеологический образ – это очень емкий образ, насыщенный экспрессией и субъективной оценкой, который говорящий извлекает из значений его компонентов.

Одним из составляющих эмоциональной концептосферы является *концепт «Душа»*. Душа самым непосредственным образом связана с эмоциональной сферой человека. Душа – вместилище для событий эмоциональной жизни и внутреннего мира человека.

Душа в представлении носителей английского языка есть выражение человеческой индивидуальности. Ср.: *to love smb. as soul* – «души не чаять»; *like a lost soul* – букв. как потерянная душа.

Душа – жизненная сила человека. В наивной картине мира душа противопоставляется телу как бессмертное, идеальное начало – смертному, материальному или же объединяется с телом, создавая человеческую личность. Например: *A room without books is like a body without soul* – «Комната без книг подобна телу без души»; *A body is more dressed than a soul* – «Тело более защищено, нежели душа», «Душевные раны за-

лечиваются труднее, чем телесные»; *As if a spirit whispered it in smb's ear* – «как в воду глядел»; *A house without a woman and fire is like a body without soul and spirit* – «Дом без женщины и очага подобен телу без души и духа». «Душа» и «дух» могут пониматься как вместилище чувств, мыслей, характеризующие настроения человека и их изменения. Они не противопоставляются друг другу, и в этом смысле между «душой» и «духом» нет существенной разницы.

Концепт «счастья». Во все времена и все народы мира пытались ответить на вопросы о том, что такое счастье и что делает людей счастливыми и несчастными в процессе жизни. Это один из тех вечных вопросов человечества, который ставит перед собой каждое новое поколение, не соглашаясь или даже отвергая многое из того, что утверждали и говорили их предшественники. Тем не менее, несмотря на противоречивость взглядов и чрезмерный субъективизм в оценках и суждениях о счастье, данная проблема никогда не переставала быть предметом научных изысканий и специальных исследований.

Известно, что нравственная проблематика счастья в различных своих аспектах возникла и активно разрабатывалась еще в древнегреческой философии (Платон, Сенека и др.). Однако ее дальнейшее развитие, а также возможность огромного влияния на культуру и сознание европейских народов оказались непосредственно связанными с христианским вероучением.

Имя счастья в естественном языке отправляет к духовной сущности, непосредственно отражающей мнение человека об успешности и осмысленности собственной судьбы, и представляет собой «обыденный аналог» соответствующего этического термина. По своей мировоззренческой значимости понятие счастья, может быть как никак другое, соответствует определению концепта как единицы лингвоменталитета, составляющего вкуче с понятием языковой личности базовые категории лингвокультурологии (4, с. 36). Счастье – это положительная аксиологическая и эмоциональная оценка собственной судьбы.

Более или менее существенными признаками счастья в английской фразеологии являются его относительность (*It is comparison that makes men happy or miserable*) и обязательность его осознания субъектом (*All happiness is in the mind*). Некоторые из них содержат рекомендации, как быть счастливым, а также описание воздействия счастья на человека. Например: *Better be happy than wise* – «Лучше быть счастливым, чем мудрым»; *Better be born lucky than rich* – «Не родись красивой, а родись счастливой».

Большая часть семантических признаков этноспецифична. Условия жизнедеятельности этноса, его быт, культура, обычаи и традиции создают в психологии этноса особое сочетание чувств. Отличия одного этноса от другого проявляются именно в комбинации чувственного отношения к действительности. Например: *as happy as a king* – счастлив (как король); *as happy as a lark* – счастлив (как жаворонок); *as happy as a sandboy* – «рад-раदेशенек».

Однако, как утверждает А.Вежбицкая, слово *happy* в английской фразеологии менее «интенсивно», чем *glücklich* в немецком языке и *счастливый* в русском (5, с. 357). Своей низкой частотностью оно обязано интенсивности чувства, которая не гармонирует с основными отношениями в англо-саксонской культуре, предпочитающей приглушенные и контролируемые эмоции.

Радость традиционно относится к положительным эмоциям. Положительные эмоции – это то, что может быть оценено как похожее на состояние счастья (радость, веселье и т.п.) В английском языке проявление радости, восторга вербализуется посредством таких лексем, как: *cheer, laugh, merry, joy, lively, pleased*. Сравните: *cheerful as a lark* – «веселый, жизнерадостный»; *as merry as a grig* – «весел как сверчок»; *as jolly as a sandboy* – «в нем жизнь бьет ключом»; *as lively as a cricket* – «веселый, жизнерадостный»; *as pleased as a dog with two tails* – «очень довольный, в восторге». Вышеупомянутые фразеологические сравнения характеризуются особым своеобразием ассоциативно-образных и оценочных представлений. Эмоциональные концепты задаются образами, типичными для известных переживаний в данном лингвокультурологическом обществе.

Среди образных сравнений наблюдается значительный перевес отрицательных эмоциональных сем, что обусловлено экстралингвистическим фактором, а именно большим разнообразием отрицательных эмоциональных состояний и отношений человека. Как правило, отрицательные поступки людей, негативные эмоции оказывают более сильное воздействие на психическое состояние человека и хранятся в памяти людей гораздо дольше, нежели положительные.

Отрицательные эмоции – это состояния меланхолии, ярко выраженная депрессия. Ср.: *as sick as mud* – «как в воду опущенный»; *like a (dying) duck in a thunderstorm* – «с растерянным, жалким видом»; *like a lost soul* – «как в воду опущенный»; *more in sorrow than in anger* – «больше опечален, чем рассержен»; *with a face as long as a poker* – «находиться в унынии».

Страх как отрицательная эмоция – это реакция человека на некоторое событие. Чувство-состояние страха в его концептуально-языковом представлении – это знание о переживаемом или пережитом состоянии. Ему всегда предшествует некоторая ситуация, которую субъект воспринимает как опасность, т.е. ситуацию, способную нанести определенный ущерб субъекту, будь то моральный, физический или материальный. Это знание является одним из концептообразующих признаков страха.

Структуры знаний, лежащие в основе концепта «страх» содержат информацию об эмоциональной реакции, которую всегда в той или иной мере и в том или ином виде психофизиологической активности проявляет субъект. К примеру, фразеологические сравнения такие, как *as scared as a rabbit, to look like a stuck pig* несут информацию о том, что состояние человека, о котором идет речь, уподобляется состоянию животного (в данном случае a rabbit, a pig) в той степени, в какой возможно сравнение эмоционального напряжения человека и животного.

Концепт страха во многом пересекается с концептуальным содержанием наименований: испуг, боязнь, ужас. Сравните: *to be afraid of smth as the devil is of incense; as the devil fears holy water; the lion is no so fierce as he is painted*.

Эмоциональное напряжение, страх, копившийся в подсознании, порой вырывается на свободу и принимает самые причудливые формы. Причем в большинстве примеров видения, вызванные страхом, никоим образом не связаны с причинами их породившими. Зато они приобретают визионерский облик в виде предмета, имеющего конкретные очертания. Формы проявления страха завязят, в первую очередь, от культуры носителей языка.

Своеобразным способом эмоционального самоутверждения является инвективная или бранная лексика. Этот слой больше, чем другие, характеризуется национальной

специфичностью. Пожалуй, нет таких стран и ареалов, где совсем не обращаются к инвективе. Но, однако, надо заметить, что место инвективы в этом отношении может быть различным.

В каждой национальной культуре есть разнообразные способы оскорбительно-эмоционального воздействия на оппонента, от язвительных замечаний до вульгарных поношений. Но изучение лексики, наблюдение за реальным поведением представителей той или иной культуры заставляет прийти к выводу, что роль вульгарного поношения может быть разной. Культуры могут различаться уже тем, что в них считается вульгарным поношением (6, с. 88).

Страны европейского ареала относятся к той обширной группе стран, где инвективное общение играет важную роль. Общеизвестно, что в основе немецкоязычной инвективной стратегии лежат скотологические оскорбления. Англоязычные культуры предпочитают в этой же роли пользоваться сексуальными символами.

Выявление особенностей национально культурного мировидения и миропонимания, специфики их отражения в языке возможно на материале обширных идеографических массивов ФЕ (7, с. 313). Эту фразеологию отличает тяготение к запретному, противозаконному, тесно смыкается с «полем брани».

Удивление – эмоциональное состояние, связанное с непониманием или нарушением контакта. Не случайно в характеристиках удивленного человека возникают параллели инвективного характера, где осуждение основывается на сопоставлении с животным. Ср.: в русском языке – «как баран на новые ворота», «как баран на гумно»; в немецком – *“ethu ansehen wie die Kuh das neue Tor”*, в английском языке – *“to stare like a stuck pig”*.

Подобные зоонимические соотнесения относятся к широко распространенному способу выражения эмоционального отношения к той или иной ситуации. Бранный смысл часто создается прямым или прикрытым уподоблением человека животному, тем самым понижается социальный статус ругаемого. Например: *as busy as a hen with one chick* – «носиться как курица с яйцом»; *to squeal like a stuck pig* – «визжать как свинья недорезанная»; *like a plucked chicken / hen* – «как ощипанная курица»; *to treat smb like a dog* – «обращаться как с собакой».

Ругательства имеют свои национальные особенности. «Собака» в славянском арсенале звучит гораздо мягче, чем в арабском языке, в котором это слово является сильнейшим оскорблением. «Осел» – символ глупости и упрямства в европейских культурах, но у сербов – носитель ряда положительных качеств. «Конь» – у сербов грубое ругательство, непонятное русским. «Корова» – ругательство у русских, но священное животное в Индии. «Свинья» – тяжелое оскорбление в мусульманских странах, и обычное женское имя в Гвинее.

К важным языковым доминантам национальной действительности относятся жаргонные фразеологизмы. В современной жаргонизированной разговорной речи древние фразеологические модели получают новое образное наполнение, включающее этнокультурные, социокультурные элементы. Например: *нужен как кенгуру авоська*, *нужен как Папе Римскому значок ГТО*. Значительное количество ФС в английском языке восходит к разговорной речи: *like the clappers* – «стремительно, как-будто за ним черти гонятся»; *to die like a dog* – «сдохнуть, как собака»; *to blush like a black/blue dog* – «отличаться бесстыдством»; *as bold as brass* – «нахальный, бесстыжий»; *as be damped* – «будь я проклят, если...»; *like fury* – «безумно, дьявольски».

Рефлексы обращения к «высшим силам» сохраняются в различных бранных выражениях английской фразеологии. Например: *as the devil, like the dickens, as blazes, as be damned*. Подобные выражения, уходя своими корнями во времена веры человека в магию слова, отразили древние верования, представления.

Как мы видим, каждый язык накладывает свою собственную классификацию на эмоциональный опыт человека в зависимости от особенностей мировосприятия этносом окружающей действительности.

Существенное влияние на степень проявления тех или иных чувств оказывает этнический темперамент. Этнический темперамент представляет собой определенный стандартный способ реагирования на конкретную ситуацию, присущий большей части данной этнической общности (например, получив известие о несчастье, итальянец будет рыдать и рвать на себе волосы, а японец улыбаться, чтобы не огорчать других). Он является внешним выражением этнического характера в различных формах вербального и невербального общения, устойчивым феноменом, проявляющимся на протяжении истории у представителей различных поколений одного этноса как стабильная форма этнического поведения. Этнический темперамент обусловлен устоявшимися в культуре конкретного народа стереотипами реагирования. Сложившийся стереотипный образ – это упрощенная форма мнений и представлений с эмоциональной окраской.

Англо-саксонской культуре свойственно неодобрительное отношение к ничем не сдерживаемому словесному потоку чувств. Льстивость у англоязычного сознания вызывает ассоциации со сладостью и приторностью *all sugar and boney*. Постоянная улыбка для американца означает открытость, удовольствие от знакомства. Американцы часто и громко смеются. По их представлениям, громкий смех должен свидетельствовать о душевном расположении собеседника и о его хорошем здоровье. Сравните: *to laugh like a hyena* – «хохотать, громко смеяться»; *to laugh like a drain* – разг.-фам. «громко смеяться, гоготать».

Итак, вербализованные эмоциональные концепты в языковой картине мира интерпретируются как этнокультурно обусловленные структурно-смысловые ментальные образования. В концептуальном сознании носителей языка формируется собственный стереотипный «образ» базовых эмоций, принятый в данном лингвокультурном сообществе. Эти «чувства-состояния» как эмоционально отрицательного, так и положительного спектра как-бы «свернуты» в форме структуры знаний о них, позволяющей «хранить» и «обрабатывать» сведения о характере переживаний. Данная структура исполняет роль «шаблона», по которому и «строится» модель способа стереотипного представления того или иного аспекта чувства-состояния.

Литература

1. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
2. Фесенко С.Л. Лингвокогнитивные модели эмоций в контексте национальных культур. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004.
3. James William. The Principles of Psychology. Vol. II. – New York: Macmillan, 1980.
4. Воркачев С.Г., Воркачева Е.А. Концепт счастья в английской паремиологии // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания: Сб. науч. тр. / Под ред. Н.А.Красавского. – Волгоград: Колледж, 2002. – С.36–39.

5. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М.: Международные отношения, 1996.
6. *Сорокин Ю.А.* Этнопсихоллингвистика. – М.: Наука, 1988.
7. *Телия В.Н.* Культурно-национальные коннотации фразеологизмов от мировидения к миропониманию / Телия В.Н. // Славянское языкознание. 16-й Международный съезд славистов. Братислава, сент. 1993. Доклады российской делегации. – М., 1993. – С.25–32.

А. А. Комаров,

канд. филол. наук, профессор
программы «Европоведение»,

Американский университет в Центральной Азии

Текстообразующие функции перечисления как производные от его количественных факторов (на материале немецкого языка)

Формальные, содержательные, стилистические и другие особенности художественного текста складываются под влиянием составляющих его структуру языковых единиц. Последние приобретают в нем определенную тексто-функциональную направленность, поскольку выступают в тексте не только как относительно самостоятельные сущности, но и как составляющие более крупного единства. Взаимоотношения текста с участвующими в его организации языковыми средствами представляют собой зависимость с переменной степенью активности обоих явлений на том или ином этапе формирования текста. Схематично эту зависимость можно представить следующим образом: «языковая единица → текст» или же «текст → языковая единица».

Стилистическому приему перечисление¹ (далее ПЧ), как и многим единицам языка, принадлежит определенная роль в формировании текста. В соответствии с вышеприведенной схемой, его текстовые функции² можно условно разделить на две группы. К первой из них следует отнести функции, связанные с отношением «ПЧ → текст», ко второй группе – функции, соотносимые с оппозицией «текст → ПЧ». С учетом степени

¹ Вслед за Э. Ризель и Е. Шендельс, под перечислением (нем. Aufzählung) мы понимаем „das Nacheinander von gleichartigen Bezeichnungen der Gegenstände, Handlungen, Merkmale, durch oder ohne Konjunktionen verbunden“ («чередование однородных наименований предметов, действий, признаков, соединенных друг с другом союзной или бессоюзной связью» – перевод наш – А.К.). Ср.: E. Riesel, E. Schendels. Deutsche Stilistik. Стилистика немецкого языка. Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. школа, 1975. – С. 245).

² Под функцией в лингвистике понимается способность языковой формы к выполнению того или иного назначения /нередко синоним терминам «значение» и «назначение» языковой формы/; зависимость или отношения между единицами языка, обнаруживаемые на всех уровнях его системы /Е.С.Кубрякова, цит. по БСЭ, изд. 3-е, т. 28, с.140/. Иными словами, функция языковой единицы есть ее роль в системе языка. Каждая языковая единица выполняет прежде всего свою функцию, что является ее отличительным свойством и в то же время условием ее лингвистического статуса.